

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

**Идейно-теоретические истоки научного наследия Ф. И. Буслаева:
«Философия мифологии» Ф. Шеллинга**

Работа выполнена по государственному заданию Минобрнауки России, проект 33.7591.2017/8.9

В статье рассматривается проблема рецепций философских рефлексий профессора Берлинского, Мюнхенского, Йенского университетов, президента Баварской академии наук Фридриха Шеллинга в творчестве Ф. И. Буслаева. Отмечается, что Буслаев не принадлежал к русской школе шеллингианцев. Ему важно было постичь природу религиозного сознания, осмыслить философию религии в ее историческом развитии, понять сущность мифологического типа мышления, и в этих вопросах трудно было найти специалиста авторитетнее Шеллинга. Буслаев на языке оригинала изучил основную фундаментальную работу Шеллинга «Философия мифологии» и привлек идеи Шеллинга для проверки правильности своих наблюдений над мифологическим материалом, придания убедительности своим рассуждениям о причинах изменений «народных убеждений». Буслаев укрепил, благодаря Шеллингу, свою уверенность в правильности применяемых им методов работы с произведениями народного творчества; он также позаимствовал из «Философии мифологии» концепцию мифа, взгляды Шеллинга на природу мифологических представлений и мифотворчества.

Ключевые слова: философия трансцендентального идеализма, шеллингианство, религия, миф, мифология, мифотворчество, мифологическое мышление, народное творчество, народная поэзия.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

**Ideological and Theoretical Sources of F. I. Buslaev's Scientific Heritage:
F. Schelling's «Mythology Philosophy»**

In the article the problem of receptions of philosophical reflections of Professor of Berlin, Munich, Jena universities, President of Bavarian Academy of Sciences Friedrich Schelling in F. I. Buslaev's works is considered. It is marked that Buslaev did not belong to the Russian school of Schelling's pupils. It was important for him to comprehend the nature of religious consciousness, to comprehend religion philosophy in its historical development, to understand the entity of the mythological type of thinking, and it was difficult to find the expert in these questions, who was more authoritative than Schelling. Buslaev studied Schelling's main fundamental work «Mythology Philosophy» in the original language and attracted Schelling's ideas to validate observations on mythological material, giving persuasiveness to his reasonings about the reasons of changes of «national beliefs». Buslaev strengthened, thanks to Schelling, the confidence in correctness of the methods used by him with works of folk art; he also borrowed the concept of the myth, Schelling's views of the nature of mythological ideas and formation of myths from «Mythology Philosophy».

Keywords: philosophy of transcendental idealism, Schellingism, religion, myth, mythology, formation of myths, mythological thinking, folk art, national poetry.

Продолжая исследовать идейно-теоретические истоки научного наследия Ф. И. Буслаева, нельзя не назвать имена еще двух немецких ученых, философские рефлексии которых оказали значительное влияние на формирование его научной картины мира. Это И. Г. Гердер и Ф. Шеллинг.

И. Г. Гердеру принадлежала мысль о единых истоках языка, мифологии и народной поэзии. Он же утверждал, что поэзия появилась раньше прозы, и эта идея позволила ему наметить единую линию развития языка от поэтической стадии к прозаической, а от нее – к научной (филологической).

Учение И. Г. Гердера, усвоенное и В. Гумбольдтом, и Я. Гриммом [20, с. 384], позже было осмыслено и Ф. И. Буслаевым; оно широко пропагандировалось им на первом – языковедческом – этапе его творчества. И хотя через языковедческое знание Ф. И. Буслаев, как и представители немецкой классической философии, обосновавшие «традиционно-филологическую основу всякого научного знания» [23, с. 580], подошел к уяснению механизмов мышления «грубого» человека, «народной мифологии», народной поэзии – проблем первостепенной важности для создававшегося в России гуманитарного знания, И. Г. Гердер не вошел в число главных ученых наставников русского исследователя.

Ф. И. Буслаев знакомился с результатами его работ, уже «присвоенными» немецкими мыслителями, разделявшими идеи этого гениального, в оценке Ф. Шеллинга, ученого по теории языка и философии истории [22, с. 493].

По этой причине нам не удалось обнаружить имени автора теории «бури и натиска» ни в историографических разделах статей Ф. И. Буслаева, которыми он нередко сопровождал свои публикации, ни в аннотированных библиографических списках, составлявшихся им для работ научно-методического характера¹.

Другое дело Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг, философия мифологии которого была знакома Ф. И. Буслаеву и принималась им во внимание при разработке проблемы мифотворчества.

Концепция профессора Йенского, Мюнхенского, Берлинского университетов, президента Баварской Академии наук, члена Парижской Академии наук Ф. Шеллинга, также впитавшая «дух культуры» Германии рубежа XVIII–XIX вв., немецкую романтическую эстетику и немецкую классическую философию, оказала существенное воздействие на русскую мысль и художественную литературу XIX столетия [18, с. 8, 268, 269]. Более того, «именно Шеллинг был первым философом из числа немецких идеалистов-диалектиков, философия которого стала теоретическим источником для образования целой школы русской философии» [18, с. 8], стремившейся создать мировоззренческую основу стремительно развивавшейся отечественной культуры. Философия трансцендентального идеализма превратилась для русских романтиков, готовых не только к изменению основ нашей культуры, но и к преобразованию всей русской жизни, в средство борьбы со схоластическим рационализмом просветителей, нормативной поэтикой классицизма, и, что не менее важно, она стала философией свободы от обветшалых идеалов, создавая возможность по-новому осмыслить «бытие и человека» [19, с. 211–214].

Ф. И. Буслаев не принадлежал к школе шеллингианцев, получившей популярность в 20–30-е гг. XIX в., но через своих учителей, М. П. Погодина и С. П. Шевырева, разделявших теорию «просветительского идеализма» [18, с. 139, 257, 258, 321], приобщился к работам Ф. Шеллинга еще во время обучения на словесном отделении Московского университета [5, с. 120, 121].

Шеллингианство было близко апостолам славянофилов: И. В. Киреевскому, А. С. Хомякову, Ю. Ф. Самарину, И. С. Аксакову [1, с. 590–593], с

которыми Ф. И. Буслаев был лично знаком, но не разделял ни философской доктрины, ни исторической концепции.

Ф. И. Буслаев не являлся приверженцем всей философской системы немецкого ученого. Ему важно было постичь природу религиозного сознания, которое определяло сущность и проявления мифологического типа мышления, а также осмыслить философию религии в ее историческом развитии. В этих вопросах специалиста авторитетнее Ф. Шеллинга трудно было найти, что и объясняет интерес Ф. И. Буслаева к результатам теоретизирования этого классика немецкой мысли.

В биографии, жизненных ориентирах, аксиологии научной деятельности Ф. Шеллинга и Ф. И. Буслаева можно было найти немало любопытных совпадений.

Как Ф. Шеллинг без защиты диссертации стал профессором Йенского университета [17, с. 3], так и Ф. И. Буслаев получил степень доктора русской словесности на основании серии публикаций о проявлениях духа народа в художественном творчестве, которые вошли в первый том «Исторических очерков русской народной словесности и искусства». Подобно Ф. Шеллингу, менявшему в процессе творческой эволюции и кумиров, и сферы философствования, и научные подходы к осуществлению «наукоучения» [17, с. 11], Ф. И. Буслаев формировал свою научную картину мира в смене приоритетных направлений исследований и выработке наиболее приемлемых для изучения «народного духа» процедур осуществления дискурса. Для Ф. И. Буслаева, как и для Ф. Шеллинга, не было «более возвышающего зрелища, чем бесконечный простор расстилающегося впереди знания», восторженное отношение к постижению которого у них обоих было вскормлено установками эстетики романтизма [17, с. 13, 28].

Ф. Шеллинг был близок Ф. И. Буслаеву своим религиозным унастроением [17, с. 8], которое не мешало ему, как и русскому последователю, с уважением относиться к «положительному» знанию, основанному на наблюдении, эксперименте [21, с. 161], и совмещать позитивистско-материалистические интенции с умозрительными идеями трансцендентальной философии². Ф. Шеллинга привлекали духовные потенции человека: дух, душа, нрав, бессознательные сферы психики, проявлявшиеся в художественном творчестве, религии, мифологии [17, с. 25, 29], и эти же акценты изучения «народной психологии» с помощью «точных методов положительных

наук», обосновывавших научное предвидение, зрелый Ф. И. Буслаев предлагал применять для создания «теории о... всей духовной деятельности человека» в доисторическую и раннюю историческую эпохи [3, с. 466, 467].

Ф. И. Буслаеву было хорошо известно творчество Ф. Шеллинга, который через всю жизнь пронес интерес к мифологии [17, с. 6] и на протяжении полувека заготавливал материалы к своей монументальной работе «Философия мифологии» [23, с. 579]. В полном объеме она появилась уже после смерти ученого, в 1856 г. Ссылки на издание этого двухтомного сочинения немецкого философа содержатся в статье Ф. И. Буслаева «Сказание Новой Эдды о сооружении стен Мидгарда и сербская песня о построении Скадра» (1857–1858 гг.) [12, с. 303, 307].

Как и другие публикации классиков немецкой философии, сложное для понимания исследование Ф. Шеллинга Ф. И. Буслаев читал на языке оригинала³, что делает ему честь, так как некоторые фрагменты «Философии мифологии» настолько трудны для восприятия, что даже изученные в переводе и с комментариями могут вызвать сомнения в адекватном постижении всей глубины мысли автора.

О том, что «Философия мифологии» не оставила Ф. И. Буслаева равнодушным, свидетельствовала его реакция на это сочинение. Он привлек мнение именитого мыслителя как эксперта для проверки правильности своих наблюдений над мифологическим материалом, когда рассуждал о причинах изменений «народных убеждений» и их экспликациях в «мифическом процессе» [12, с. 307].

Кроме того, благодаря Ф. Шеллингу, он укрепил свою уверенность в правильности применявшихся им методов работы с произведениями народного творчества, содержащими следы мифологического мышления. Помимо интерпретации сведений мифов с целью поиска их смысловой нагрузки, Ф. И. Буслаев, вслед за Ф. Шеллингом [21, с. 248], стал активно использовать метод этимологического анализа [12, с. 303], предназначение которого обосновал в качестве ведущего приема компаративных процедур в одной из своих самых значимых работ «Сравнительное изучение народного быта и поэзии»: «Чтобы во всей ясности определить смысл какого бы то ни было мифа, надобно пользоваться здоровыми этимологическими его основами. Сравнительная филология... приложила этот принцип к правильному изучению классической мифологии, и отныне никакой миф не может

быть до конца объяснен в точности, пока не будут подвергнуты этимологическому разбору самые имена действующих в мифе лиц» [15, с. 675].

Ф. И. Буслаев извлек из «Философии мифологии» также и саму концепцию мифа, взгляды мыслителя на природу мифологических представлений и мифотворчество. Этот научный багаж позволил ему заново осмыслить прежние представления, нередко противоречивые⁴, о мифологическом типе мышления архаических и древних народов, представив результат своих многолетних изысканий и заново отрефлексированных воззрений в публикациях 70-х гг., в частности, в статье «Сравнительное изучение народного быта и поэзии».

Чтобы обнаружить концептуально-методологические совпадения (или переклички) эпистемологии Ф. И. Буслаева при разработке им проблемы мифологии как особой формы сознания с первоисточником – «Философией мифологии» Ф. Шеллинга, мы проведем более глубокий анализ этого фундаментального сочинения немецкого ученого, для которого «подлинное знание мифологии», поставленное на «историческую почву», составляло содержание «Философии мифологии» [21, с. 205, 343]⁵.

Идея мифологии раскрывается Ф. Шеллингом через критический анализ истории изучения мифа и мифотворчества, а также изложение собственной теории при помощи «разоблачения» представлений «об истоке, значении и трактовке мифологии», появившихся у ее толкователей еще в эпоху античности [21, с. 352].

«Обосновывая способ рассмотрения» философии мифологии [21, с. 165], Ф. Шеллинг отказывается признавать в мифологии, обычно понимаемой как «учение о Богах» или как «история Богов» [21, с. 164], один лишь поэтический вымысел [21, с. 168, 170, 176], потому что этот, исключительно эстетический, взгляд на предмет исследования не может выдержать «исторической проверки». «Исток мифологии теряется в таких эпохах, – заключает он, – о которых нет у нас исторических сведений» [21, с. 165], поэтому ученый, лишенный сведений о «реальных и повседневных событиях человеческой жизни», не может дать своим умозаключениям «историческую проверку» [21, с. 170, 171] и, следовательно, не в состоянии ответить на вопросы о времени и месте возникновения первых представлений о богах [21, с. 168].

В ходе дальнейших рассуждений, совмещая «объяснения либо с мыслимым... либо с истори-

чески познаваемым» [21, с. 165], он отвергает представление И. Г. Фосса о мифологии как о бессмысленных «порожденных невежеством» баснях, которые усилиями поэтов превратились в одно «поэтическое целое», лишенное какого-либо «особенного смысла», намерений в передаче истины и дидактических интенций [21, с. 168, 169, 217, 218, 341, 347].

Осуждение Ф. Шеллинга вызывают и «аллегорические толкования» мифологии, сторонники которых жертвуют «собственным смыслом мифологии... вводят несобственный ее смысл» [21, с. 180]. К числу ученых, искаживших «универсальную» природу мифологии, Ф. Шеллинг относит Эвгемера, возводившего в ранг «сверхъестественных существ» исторических личностей [21, с. 180, 341], а также Г. Гейне, интерпретировавшего мифы как «настоящую естественную историю в поэтической форме». Он разоблачает заблуждение Г. Гейне и о несовершенстве древних языков, якобы лишенных абстрактных понятий, что и вынуждало создателей мифов обозначать «всеобщие принципы» или «логические отношения» какими-либо иными способами, например, персонификацией природных явлений, свойств, предметов [21, с. 181–185, 206, 216, 218, 219, 326].

Не согласен Ф. Шеллинг также со взглядами на мифологию как на «неверное понимание, искажение чисто научной» экзегезы (к примеру, учения о возникновении мира) или «религиозной истины», к чему склонялись Г. Герман [21, с. 193–197, 206, 207, 210, 326], У. Джонс и Ф. Крейцер [21, с. 341].

Изучение Ф. Шеллингом того, как исторически мыслилась мифология, поощрило его на объединение филологических, философских и богословских методов и сфокусировало его усилия на философском измерении древнейшей формы сознания людей, а само теоретизирование по этой проблеме вылилось в «восхождение» к уяснению «природы, сущности мифологии» [21, с. 162, 198, 346].

Отталкиваясь от конкретного «знания разных мифологий», он обнаружил, что «мифология... всеобщее явление» [21, с. 165, 338, 345], однако ее ядро, или «правещество», выходит за «пределы исторического времени», о котором наука еще не располагает никакими другими сведениями, кроме как самыми «невинными» рассказами о Богах [21, с. 163, 165, 166], сохранившимися до наших дней в эпических произведениях.

«Учение о Богах» является основанием для того «чудесного» и совершенно невероятного с

современной точки зрения «сцепления событий», когда небожители, «составляющие особый мир... сущностно обособленный» от человеческого мира, вмешиваются в дела людей, то есть начинают принадлежать «к реальному миру той эпохи и вполне сообразны с порядком вещей, в какой тогда веровали, какой был усвоен тогдашними представлениями о мире» [21, с. 168].

«Мифология возникает совершенно независимо от внешнего мира», – утверждал Ф. Шеллинг, следовательно, выведение в качестве единственной причины появления рассказов о Богах наличия у людей «животного, бездумного страха» перед явлениями природы с их последующим обожествлением следует относить к вымыслам современных ученых (Г. Германа, Д. Юма), полагал философ [21, с. 216–218].

Мифология, по рассуждениям Ф. Шеллинга, была «естественным... органическим порождением» сознания первых людей [21, с. 203], то есть «всецело внутренним процессом», подобным инстинкту, проявлявшемуся по «своему имманентному закону» [21, с. 223]⁶. Ее следует считать изначальной, присущей всему человечеству формой мысли, еще целиком погруженной в бытие, так как человек, живущий во власти мифа, еще не способен выделить себя из окружающего мира – это заставляет его свои мысли и чувства принимать за подлинную реальность [17, с. 32].

При помощи мифов создавался особый «взгляд» на мир, единый для целого народа, отличавшегося «общностью сознания», единым «художественным инстинктом», языком [21, с. 209, 211]. Как и язык, мифология возникает непреднамеренно, «бессознательно, слепо» [21, с. 202], однако, подобно языку, формирующему человеческое сознание, она «сама собою и как бы по внутренней необходимости» устанавливает «духовную связь» между индивидуумами, создавая таким образом народ [21, с. 209]. Как нет народа без языка, «данного вместе с мыслью» [21, с. 203], так и нет народа без единой мифологии, которая является их «совместным произведением» [21, с. 209].

Мифология тогда «совершенно заполняет собою сознание людей» [21, с. 200], поэтому она способна «властно определять всю деятельность, всю жизнь народов» [21, с. 199].

«Объективное, независимое от человеческих мнений, мыслей и желаний возникновение мифологии придает ей объективное содержание и объективную истинность», – утверждал Ф. Шеллинг [21, с. 344]. Истиной в мифологических представлениях считалось учение о Богах,

превратившееся в непоколебимое основание для веры в «так называемое чудесное» [21, с. 168]. Это «чудесное» выглядит совершенно естественной частью жизни людей, потому что согласуется с их особым взглядом на мир, неотделимым от верований [21, с. 168], и вместе с тем «чудесное... разумеется... как вся, как полная правда» [21, с. 214].

Мифология – это «нечто сущностно подвижное» [21, с. 348]. Являясь продуктом сознания людей, она в то же время обладает способностью к развитию, но делает это самостоятельно, подчиняясь своим собственным законам, и в ходе этого «самодвижения» превращается в «истинную целостность, нечто завершенное со всех сторон... особый мир для себя» [21, с. 348]. Представляя собой специфический способ познания «всего бытия, всего становления», мифология предлагает «реальные, истинные» пути постижения мира, но, привлекая к своим объяснениям «теогонический процесс», запутывается в противоречиях. Для их преодоления она использует привычный способ – опору на мифологическую истину с ее «всеобщим значением» [21, с. 343, 348].

По представлениям Ф. Шеллинга, мифология сыграла важную роль не только в формировании мировоззрения людей первобытных и древних обществ. Ее значение трудно переоценить относительно влияния на процесс исторической консолидации народа и на зарождение национального самосознания. Кроме того, именно из мифологии возникли поэзия и философия, «облагораживающие и украшающие жизнь народа» [21, с. 200, 209, 210, 348]. С представлениями народа о Богах «проникновенно взаимосвязаны... власть, законодательство, нравы, даже занятия и дела» [21, с. 212]. Мифология «определяет историю» народа и, подобно характеру человека, влияющему на его судьбу, становится «судьбой... народа-индивида» [21, с. 213]. В целом, подчеркивает автор, «народ проявляется *лишь тогда*⁷, когда он определился и решился на что-то касательно своей мифологии» [21, с. 250].

Ф. Шеллинг был убежден в том, что мифология не являлась авторским изобретением отдельных людей, обладавших для этого особым художественным взглядом на мир и талантом, – «она рождена *самим народом*» [21, с. 209]. Она «настолько сплелась со всей жизнью народа, с самим его существом, что и выйти она могла только из него», заключал он [21, с. 209]. Именно народ, подчиняясь врожденному «художественному инстинкту», «естественно», исключительно

по «внутренней необходимости», то есть потребности к самовыражению, охватывавшей в своем неосознанном порыве всю «массу» людей, произвел на свет рассказы о богах. Через этот коллективный творческий процесс, порождавший общее «духовное взаимодействие», мифология создавала прочные связи в коллективах людей, придавала им «общность взгляда на мир» и прививала чувство родства, «лежавшего не на поверхности, а в глубине» [21, с. 209, 211]. Надиндивидуальный характер мифотворчества объективировал реальность и сообщал мифологии как изначальной форме мысли народа то же объективное содержание.

Ф. Шеллинг, как и Я. Гримм, считал, что мифология зародилась в поэтической форме. Это была «народная поэзия», подчеркивал он, которая вобрала «высшие образы»: в них народ особенно нуждался, «чтобы заполнить пустоту души и фантазии» [21, с. 209]. Со временем, наряду с «народной поэзией», появились прозаические легенды, сказки, пословицы, притчи, загадки. «Истока» их возникновения никто не может назвать – все это составляло «природную мудрость» народа, которая, хотя и подсказывалась «событиями повседневной жизни», проявлялась «не преднамеренно и планомерно», а напротив, «безо всякого рассуждения», без рефлексии над пережитым, то есть бессознательно [21, с. 209]. «Украшая жизнь народа», поэтические и прозаические результаты совместного творчества людей выполняли еще одно очень важное предназначение: они давали им шанс «возноситься на более высокую ступень» развития [21, с. 209, 210].

Заинтересовавшись вопросом о том, почему в «мифологических представлениях... многих народов», не принадлежавших к единым языковым семьям, выявляется всеобщее и повсеместное, «доходящее до мелочей... согласие сюжетов и мифических образов» [21, с. 210], Ф. Шеллинг отверг распространенные в его время взгляды о религиозных заимствованиях, миграциях мифологических персонажей [21, с. 206–209, 236]. Полагая, что мифология – это «не простое дело», которое можно «ввести» приказным порядком, как школьные программы и учебники, он сделал вывод о том, что появление мифологии «восходит к эпохе, к какой относится и возникновение народов» [21, с. 206, 214, 236]. «В качестве сознания народа-индивида» она появляется на строго определенной стадии его исторического развития: при выходе на историческую арену, когда народ, разорвав пуповину с единым, общечеловеческим контекстом, начинает выступать из

«всеобщего сознания человечества» [21, с. 212, 213, 312]. Однако в праисторическое время существования «первоначального человечества», которое, по представлению Ф. Шеллинга, «отнюдь не было бескультурным состоянием животной грубости», все народы находились в состоянии «изначального единства»: у них было общее происхождение, они отличались родством языков и «всеобщим... сознанием» [21, с. 253–255, 312]. Эти унитарные условия организации их бытия, совпадение ментальных комплексов и нравственных императивов давали начало универсальному «взгляду на мир» [21, с. 213]. Когда же у народа созревает решение «стать народом», то есть обрести национальное своеобразие [21, с. 251], «гомогенному человечеству» приходит конец [21, с. 239]. С наступлением «исторического времени» на смену «единству человеческого рода» приходит «разделение народов» [21, с. 312, 357], отразившееся и в языке, и в мифологии, неизменно выступавшей «рядом» с языком [21, с. 212, 254, 255].

Итак, в ходе рассуждений, появлявшихся в процессе вымышленного диалога Ф. Шеллинга с реальными или воображаемыми оппонентами, он сделал вывод о том, что создателями мифологии были не поэты, не первые философы с «их космогониями», а «само человеческое сознание» [21, с. 328], которое еще «до всякого мышления», то есть привлечения «воли, рассудка и свободы», находилось в плену «чисто природного принципа» [21, с. 322]⁸. Представления о Богах, которые сегодня кажутся «нелепыми и неразумными», были сотворены «первозданным человечеством» [21, с. 324, 328], «первое действительное сознание [которого. – М. Н., Т. П.] было мифологическим по своей сути» [21, с. 326].

Отдавая себе отчет в том, что мифология – это еще «не постигнутый до сих пор» феномен [21, с. 312], при изучении которого присутствуют различные смысловые коды ученых [21, с. 169], Ф. Шеллинг дополняет и конкретизирует свои подходы к мифу и мифотворческому процессу характеристиками мифологических представлений [21, с. 168, 212–214, 323 и др.].

По его соображениям, «мифологические представления ни изобретены, измышлены, ни произвольно приняты... Они отличались... недвусмысленной и неотступной реальностью... Они происходят из недр сознания, которому рисуются с необходимостью, не допускающей сомнения относительно своей истинности» [21, с. 323].

Вновь отметив естественный, произвольный и неотрефлексированный процесс возникновения мифологических представлений, а также подчеркнув правдивость и истинность рассказов о богах для человека с особым, мифологическим, типом мышления, Ф. Шеллинг обратил внимание еще на один важный момент. В мифе нет двойного дна в виде аллегорий, потаенных смыслов, закодированной информации. Мифологические представления «не наличествуют в какой-либо иной форме... Мифология сразу же возникает как таковая, не с каким иным смыслом, но с тем, какой она высказывает... Все в ней надо понимать так, как высказывается, а не так, как если бы тут думали одно, а говорили другое. Мифология – не аллегорична, она *тавтологична*» [21, с. 324, 325], то есть говорит то самое, что говорит, а не что-то иное [21, с. 587].

Мифологические представления, возникшие вместе с человеком как способ восприятия природных и человеческих установлений, со временем превратились в силу, которая вознесла человеческое сознание «над всеми ограничениями реальности»: они руководили человечеством в создании «дерзновенных, превосходящих все масштабы позднейшего времени творений искусства» [21, с. 363], а последние, в свою очередь, сохранили на века живые свидетельства «мифологической религии» [21, с. 367].

Ф. Шеллинг постоянно подчеркивал связь мифологии с религией. Истина мифологии, отмечал он, – это «истина религиозная, ибо процесс, в котором мифология возникает, есть теогонический процесс» [21, с. 342]. Мифологии «первоначально присуще религиозное значение» [21, с. 215], и наоборот, «религиозные представления... никогда не обходятся без мифологии» [21, с. 212]. Рассуждая о первичности моно- или политеизма, он указывал на то, что уже в «мифологическом сознании... присутствует образ и подобие Бога» [21, с. 339], а в «мифологическом процессе действуют полагающие Бога потенции» [21, с. 335].

У философа есть суждения о состоянии мифологического процесса в «доисторические времена и в историческое время» [21, с. 357] и методологическая рекомендация подходить к изучению «загадочной древности» как «к особому миру», который подчиняется «иному закону и иным силам», по сравнению с теми, «какие господствуют в нашу современную эпоху» [21, с. 366].

В «Философии мифологии» мы находим уже осмысленные Ф. И. Буслаевым, благодаря В. Гумбольдту, краткие высказывания

Ф. Шеллинга об органистической природе языка, который возникает «не кусками, атомически, но как целое со всеми его частями, то есть органически» [21, с. 202], его представления о теснейшей связи языка с «человеческим сознанием» и другими «органическими существами» (например, с мифологией), которые, как и язык, возникают «бессознательно, слепо», но в своей глубине таят «непостижимую преднамеренность их строения, вплоть до мельчайшей детали» [21, с. 202, 211].

На наш взгляд, флера новизны для Ф. И. Буслаева были лишены (из-за глубокой привязанности к исследованиям Я. Гримма) и априорные, но казавшиеся тогда абсолютно верными утверждения Ф. Шеллинга об изоморфизме языка и мифологии⁹, а также основанные на точных методах языкознания его выводы о «взаимосвязи религиозных движений души с языком» [21, с. 250], о мифологии как о «всеобщем и в целом повсеместно тождественном явлении» у первобытных народов [21, с. 210], о мифотворчестве, которое «выходило из народа и возникало в народе» [21, с. 211].

Однако трудно усомниться в том, что мифологическая концепция Ф. И. Буслаева в ее самом завершенном и совершенном для России XIX в. виде сформировалась без глубоких и оригинальных представлений Ф. Шеллинга о мифе, мифологическом сознании, процессе мифотворчества.

Ф. И. Буслаев согласен с Ф. Шеллингом в том, что миф – это не выдумка, не басня, а «верование, глубоко вкоренившееся в сердце каждого» [13, с. 310]. Как и Ф. Шеллинг, Ф. И. Буслаев считал веру в «чудесное» сущностью мифологических представлений [7, с. 216], которые, как и вся мифология, имели бессознательный, неотрелексированный характер [11, с. 412]. Сам процесс мифотворчества первобытных людей он, вслед за немецким философом, объяснял проявлением бессознательных компонентов психики [11, с. 404, 412]¹⁰. Ф. И. Буслаеву была понятна мысль Ф. Шеллинга о том, что «мифические основы» проникают в «народный быт» и, пронизывая его, формируют «эстетические воззрения», потому что вся жизнь первоначального человечества «проникнута верованиями и связана тесными узами с мифом» [13, с. 313, 352]. Оба исследователя видели в мифологии «материал» для возникновения и развития народного поэтического творчества и изобразительного искусства¹¹. Вывод Ф. Шеллинга о том, что «мифология не изобретена отдельными людьми, а рождена *самим* народом», тоже мог помочь Ф. И. Буслаеву

приписать авторство «Илиады» и «Одиссеи» не столько Гомеру, сколько «целому народу, творившему в течение большой эпохи... как один человек» [7, с. 230].

Кроме того, он почти дословно повторяет суждения немецкого ученого о том, что произведения народной поэзии (песня, сказка, предание) являются «духовной собственностью всех и каждого», и в этом надындивидуальном «всеохватывающем широком потоке народной поэзии... сливается творчество целых масс и поколений и творчество отдельной личности» [13, с. 308].

Важно подчеркнуть также поддержанные Ф. И. Буслаевым [4, с. 358, 359] отношение Ф. Шеллинга к мифологии как к «*историческому феномену*» [21, с. 205] и его стремление «достоверным способом» [21, с. 355] заполнить «совершенно пустое для науки пространство – праисторию», лишенную каких-либо письменных и иных свидетельств [21, с. 354], кроме данных мифологической традиции [21, с. 361].

С восприятием «пространства праистории» связаны темпоральные представления Ф. Шеллинга, противоречиво совмещавшие идею эволюционизма с постулатом статичности праисторического времени, неизменно циркулирующего внутри замкнутого круга.

Поскольку концепция времени Ф. И. Буслаева складывалась под влиянием немецкой классической философии, мы считаем необходимым более подробно осветить и этот вопрос.

Путем умозаключений – метода, принятого в доказательной базе философии, Ф. Шеллинг пришел к выводу о том, что праисторическое (доисторическое) время было «своего рода вечностью», «*временем без времени*» [21, с. 359], так как оно не допускало никаких темпоральных «различий *внутри самого себя*» [21, с. 313]. В этом «*неделимом по самой своей природе*», «едином времени» [21, с. 313] отсутствовали какие-либо «исторические свершения»: не было истории у индивида, у «не расчлененного, единого человечества» бытие представляло собой «повторяющийся круг равномерных перемен» [21, с. 358, 359]¹².

Однако во время этого «дособытийного» отрезка человеческой истории уже «возникли формально и материально различные учения о Богах, следовательно, *мифологии вообще*» [21, с. 357–359]. С наступлением исторического времени, а оно, в «точном понимании» Ф. Шеллинга, началось с «разделения народов», то есть их отпочкования от неразделенного прежде на народности единого «первоначального человечества» [21,

с. 312, 357], уже существовали доставшиеся в наследство от праистории мифологические системы «как нечто готовое и наличное» [21, с. 357]. Они свидетельствовали о невидимых «внутренних процессах и движении сознания» [21, с. 357], которые позже обусловили поступательное движение выделившегося из единого ствола народа [21, с. 360].

Хотя «принцип неукоснительного поступательного движения вперед» наука XIX в. признала «священным», Ф. Шеллинг возражал против распространенного мнения о том, что «всякое человеческое знание, искусство, вся культура непременно исходят из самых жалких начал» [21, с. 362]. Ему больше импонировала мысль В. Гумбольдта об изначальном совершенстве форм человеческого сознания, в том числе и мифологии. Этой мысли он придерживался, когда уверенно заявлял, вопреки свидетельствам истории: «Великое, гигантское всегда составляет начало», – и для примера приводил творения Гомера, повторить которые не смогли «позднейшие эпохи» [21, с. 362].

Сложные логические ходы темпоральных представлений Ф. Шеллинга вытекали из совместности в его мыслительных операциях креационистской идеи всеединства, или тождества – «выведения субъективного и объективного из абсолюта», и эволюционистской концепции [18, с. 275–281]. Не до конца понятые или неверно проинтерпретированные – вне контекста трансцендентальной философии – они могли запутать Ф. И. Буслаева в его осмыслении процесса развития, который, если упрощенно воспринимать Ф. Шеллинга, мог и не совершаться во времени, разворачиваясь внутри замкнутого круга.

Возможно, уверенность нашего именитого соотечественника в трансляции теоретических положений об «устойчивости эпических выражений» и мифологизированных форм устного народного творчества, сохранявшихся в неизменном виде на протяжении тысячелетий [7, с. 211, 224, 229], о восходивших к «темной, доисторической глубине» субстанциональных основ национальности, воплотившихся в языке и мифологии [16, с.1], о наличии «готовых нравственных идей», верований, «форм языка» уже в самую раннюю «эпоху бытия» [4, с. 356, 357], находит свои истоки не только в гумбольдтовских философских построениях, но и в «Философии мифологии» Ф. Шеллинга. Переключение с регистра неизменности и статичности всех феноменов культуры, и мифологии в том числе, на принципиально новый лад – признание принципа

развития и человеческого сознания, и плодов духовного творчества – произойдет у него позже, в 70-е гг. XIX в. [15, с. 678].

Библиографический список

1. Абрамов, А. Шеллинг в России [Текст] / А. Абрамов // Русская философия: малый энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1995. – С. 590–593.
2. Буслаев, Ф. И. Бытовые слои русского эпоса [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Народная поэзия. Исторические очерки. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1887. – С. 245–284.
3. Буслаев, Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Сочинения по археологии и истории искусства: в 3 т. – Т. 1. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1908. – С. 459–522.
4. Буслаев, Ф. И. Древнейшие эпические предания славянских племен [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб.: В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 355–376.
5. Буслаев, Ф. И. Мои воспоминания [Текст] / Ф. И. Буслаев; Изд. В. Г. Фон Бооля. – М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1897. – 387 с.
6. Буслаев, Ф. И. О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию [Текст] / Ф. И. Буслаев. – М.: В университетской типографии, 1848. – 211 с.
7. Буслаев, Ф. И. Об эпических выражениях украинской поэзии [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб.: В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 210–230.
8. Буслаев, Ф. И. Областные видоизменения русской народности [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб.: В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 151–209.
9. Буслаев, Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка: учебное пособие для преподавателей: в 2 ч. [Текст] / Ф. И. Буслаев. – Ч. 1. Этимология. – М.: В университетской типографии, 1858. – 244 с.
10. Буслаев, Ф. И. Русская поэзия XI и начала XII века [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб.: В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 377–400.
11. Буслаев, Ф. И. Русский народный эпос [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб.: В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 401–454.
12. Буслаев, Ф. И. Сказание Новой Эдды о сооружении стен Мидгарда и сербская песня о построении

Скадра [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 301–307.

13. Буслаев Ф. И. Славянские сказки [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 308–354.

14. Буслаев, Ф. И. Следы славянских эпических преданий в немецкой мифологии [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Народная поэзия. – С. 216–244.

15. Буслаев Ф. И. Сравнительное изучение народного быта и поэзии [Текст] / Ф. И. Буслаев // Русский вестник, издаваемый М. Катковым. – М., 1872. – № 10. Октябрь. – Т. 101. – С. 645–727.

16. Буслаев, Ф. И. Эпическая поэзия [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 1–77.

17. Гулыга, А. В. Философское наследие Шеллинга [Текст] / А. В. Гулыга // Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения: в 2 т.; пер. с нем. – Т. 1. / сост., ред., авт. вступ. ст. А. В. Гулыга. – М. : Мысль, 1987. – С. 3–38.

18. Каменский, З. А. Русская философия XIX века и Шеллинг [Текст] / З. А. Каменский. – М. : Наука, 1980. – 326 с.

19. Сахаров, В. И. О бытовании шеллингианских идей в русской литературе [Текст] / В. И. Сахаров // Контекст, 1977: литературно-теоретические исследования. – М. : Наука, 1978. – С. 210–226.

20. Топорков, А. Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века [Текст] / А. Л. Топорков. – М. : Индрик, 1997. – 456 с. (Традиционная духовная культура славян / Современные исследования.)

21. Шеллинг, Ф. Введение в философию мифологии. Историко-критическое введение в философию мифологии. Книга первая [Текст] / Ф. Шеллинг // Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения: в 2 т.: пер. с нем. – Т. 2 / сост., ред. А. В. Гулыга; прим. М. И. Левиной, А. В. Михайлова. – М. : Мысль, 1989. – С. 159–374.

22. Шеллинг, Ф. В. Й. К истории новой философии (Мюнхенские лекции) [Текст] / // Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения: в 2 т.: пер. с нем. – Т. 2 / сост., ред. А. В. Гулыга; прим. М. И. Левиной, А. В. Михайлова. – М. : Мысль, 1989. – С. 387–560.

23. Шеллинг, Ф. В. Й. Сочинения: в 2 т.: пер. с нем. – Т. 2 / сост., ред. А. В. Гулыга; прим. М. И. Левиной, А. В. Михайлова. – М. : Мысль, 1989. [Текст] / Ф. В. Й. Шеллинг. – Примечания. – С. 573–595.

Bibliograficheskiy spisok

1. Abramov, A. Shelling v Rossii [Текст] / A. Abramov // Russkaja filosofija: malyj jenciklopedicheskiy slovar'. – М. : Nauka, 1995. – С. 590–593.

2. Buslaev, F. I. Bytovye sloi russkogo jeposa [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Narodnaja poezija. Istoricheskie ocherki. – SPb. : Tip. Imperatorskoj Akademii nauk, 1887. – S. 245–284.

3. Buslaev, F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom chelovechestve [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Sochinenija po arheologii i istorii iskusstva : v 3 t. – Т. 1. – SPb. : Tip. Imperatorskoj Akademii nauk, 1908. – S. 459–522.

4. Buslaev, F. I. Drevnejšie jepicheskie predanija slavjanskih plemen [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva : v 2 t. – Т. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb. : V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 355–376.

5. Buslaev, F. I. Moi vospominanija [Tekst] / F. I. Buslaev ; Izd. V. G. Fon Boolja. – М. : Tip. G. Lissnera i A. Geshejla, 1897. – 387 s.

6. Buslaev, F. I. O vlijanii hristianstva na slavjanskij jazyk. Opyt istorii jazyka po Ostromirovu evangeliju [Tekst] / F. I. Buslaev. – М. : V universitetskoj tipografii, 1848. – 211 s.

7. Buslaev, F. I. Ob jepicheskijh vyrazhenijah ukrainskoj poezii [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva : v 2 t. – Т. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb. : V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 210–230.

8. Buslaev, F. I. Oblastnye vidoizmenenija russkoj narodnosti [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva : v 2 t. – Т. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb. : V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 151–209.

9. Buslaev, F. I. Opyt istoricheskoj grammatiki russkogo jazyka: uchebnoe posobie dlja prepodavatelej : v 2 ch. [Tekst] / F. I. Buslaev. – Ch. 1. Jetimologija. – М. : V universitetskoj tipografii, 1858. – 244 s.

10. Buslaev, F. I. Russkaja poezija XI i nachala XII veka [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva : v 2 t. – Т. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb. : V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 377–400.

11. Buslaev, F. I. Russkij narodnyj jepos [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva : v 2 t. – Т. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb. : V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 401–454.

12. Buslaev, F. I. Skazanie Novoj Jeddy o sooruzhenii sten Midgarda i serbskaja pesnja o postroenii Skadra [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva : v 2 t. – Т. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb. : V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 301–307.

13. Buslaev F. I. Slavjanskije skazki [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva : v 2 t. – Т. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb. : V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 308–354.

14. Buslaev, F. I. Sledy slavjanskih jepicheskikh predanij v nemeckoj mifologii [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Narodnaja poezija. – S. 216–244.

15. Buslaev F. I. Sravnitel'noe izuchenie narodnogo byta i poezii [Tekst] / F. I. Buslaev // Russkij vestnik, izdavaemyj M. Katkovym. – M., 1872. – № 10. Oktjabr'. – T. 101. – S. 645–727.

16. Buslaev, F. I. Jepicheskaja poezija [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva : v 2 t. – T. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb. : V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 1–77.

17. Gulyga, A. V. Filosofskoe nasledie Shellinga [Tekst] / A. V. Gulyga // Shelling F. V. J. Sochinenija: v 2 t. ; per. s nem. – T. 1. / sost., red., avt. vstup. st. A. V. Gulyga. – M. : Mysl', 1987. – S. 3–38.

18. Kamenskij, Z. A. Russkaja filosofija XIX veka i Shelling [Tekst] / Z. A. Kamenskij. – M. : Nauka, 1980. – 326 s.

19. Saharov, V. I. O bytovanii shellingianskih idej v russkoj literature [Tekst] / V. I. Saharov // Kontekst, 1977: literaturno-teoreticheskie issledovanija. – M. : Nauka, 1978. – S. 210–226.

20. Toporkov, A. L. Teorija mifa v russkoj filologicheskoj nauke XIX veka [Tekst] / A. L. Toporkov. – M. : Indrik, 1997. – 456 s. (Tradicionnaja duhovnaja kul'tura slavjan / Sovremennye issledovanija.)

21. Shelling, F. Vvedenie v filosofiju mifologii. Istoriko-kriticheskoe vvedenie v filosofiju mifologii. Kniga pervaja [Tekst] / F. Shelling // Shelling F. V. J. Sochinenija: v 2 t.: per. s nem. – T. 2 / sost., red. A. V. Gulyga; prim. M. I. Levinoj, A. V. Mihajlova. – M. : Mysl', 1989. – S. 159–374.

22. Shelling, F. V. J. K istorii novoj filosofii (Mjunhenskie lekci) [Tekst] / // Shelling F. V. J. Sochinenija: v 2 t. : per. s nem. – T. 2 / sost., red. A. V. Gulyga; prim. M. I. Levinoj, A. V. Mihajlova. – M. : Mysl', 1989. – S. 387–560.

23. Shelling, F. V. J. Sochinenija: v 2 t. : per. s nem. – T. 2 / sost., red. A. V. Gulyga; prim. M. I. Levinoj, A. V. Mihajlova. – M. : Mysl', 1989. [Tekst] / F. V. J. Shelling. – Primechanija. – S. 573–595.

¹ См., к примеру: [9, с. XXXI–XL].

² См., к примеру: [8, с. 159–185] и созданную в 70-е гг. XIX в. работу «Догадки и мечтания о первобытном человечестве» [3].

³ В 30-е гг. XIX в. в России появились первые переводы сочинений Ф. Шеллинга. Среди немногочисленных работ ученого, с которыми могла познакомиться российская интеллигенция, «Философии мифологии» не было [23, с. 592].

⁴ Для сравнительного анализа можно взять следующие работы, созданные с конца 40-х до начала 70-х гг. XIX в.: «О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию» (1848) [6, с. 65, 66]; «Следы славянских эпических преданий в немецкой мифологии» (1862) [14, с. 217]; «Бытовые слои русского эпоса» (1871) [2, с. 283].

⁵ Под таким названием, имеющим подзаголовок «Историко-критическое введение в философию мифологии» (1825), составители сборника «Фридрих Йозеф Шеллинг. Сочинения в двух томах» излагают сокращенную версию двухтомного издания «Философии мифологии», поясняя, что «все содержание основной части» этого труда отражено в предложенных материалах [23, с. 580].

⁶ Ф. Шеллинг писал: «Мифология – порождение деятельности свободной, однако проявляющейся несвободно, подобно тому как и все органическое возникает свободно-необходимо, и мифология – это произведение непреднамеренно-преднамеренного, инстинктообразного изобретения...» [21, с. 203].

⁷ Здесь и далее курсив принадлежит Ф. Шеллингу.

⁸ Для осмысления этой фразы приведем рассуждение Ф. Шеллинга не просто о родственной связи мифологии и мира природы, а об их тождественности: «Мифология, бесспорно, наиболее родственна природе – помимо того, что она столь же всеобща, у нее есть то общее с природой, что она предстает как замкнутый в себе мир, а по отношению к нему – как прошлое. Посему нельзя не заметить естественную тождественность содержания» [21, с. 349].

При растворенности человека в мире природы, неотделимости от него, а именно эту мысль, по нашему мнению, выражает философ, мифологический взгляд на мир превращается в аналог всего сущего.

⁹ Этот вывод может быть сделан при анализе ряда высказываний автора «Философии мифологии». Ср., к примеру, фразы: «Народ появляется *лишь тогда*, когда он определился и решился на что-то касательно своей мифологии» [21, с. 250]; «Язык определяется тогда, когда народ решает стать народом» [21, с. 251]. «Ни божеская, ни человеческая власть не в силах превратить в народ не родившееся народом, – где нет изначального единства и общности сознания... И здесь язык вновь встает рядом с мифологией. Сразу же поняли нелепость гипотезы, по которой язык возникает трудами *отдельных* индивидов в этом народе» [21, с. 212].

¹⁰ У Ф. Шеллинга во «Введении в философию мифологии» с. 212, 213.

¹¹ Ф. И. Буслаев утверждал, что на мифологии «зиждется весь древнейший период народной поэзии» [10, с. 378].

У Ф. Шеллинга связь мифологии с другими проявлениями народного духа рассмотрена на с. 209, 363.

¹² Конкретизируем, ссылаясь на Ф. Шеллинга: «...целое оставалось в конце, каким было в начале... что короче, что длиннее – все едино» для людей, безразлично относившихся к «текущему времени» [21, с. 359].